

# ПОЧЕМУ В

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

12

«.. Вчера похоронили соседа с третьего этажа – сорок лет всего, и ведь никогда раньше на сердце не жаловался! А пару месяцев назад – двоюродную сестру, двое ребят осталось, старшему семнадцать, а дочка еще в пятом классе только. На работе тоже трагедия за трагедией: за прошлый год пять похорон пришлось устраивать, умерли подряд трое сотрудников нашего института, а еще у двух – мужья... Что такое с нами происходит? Почему кругом умирают люди?.. Хотя, что уж тут, кажется, непонятного?..»

(Из разговора на автобусной остановке)

Как часто мы слышим в последнее время: умирают люди совсем еще не старые, вроде бы еще вчера и не болевшие ничем, кроме банальных и вовсе не смертельных ангин и ОРЗ. Наиболее распространенный в наши дни сюжет на эту печальную тему: пришел человек утром на работу (вернулся вечером с работы... проснулся ночью и сказал, что выйдет попить на кухню... сидел за рулем машины...) и вдруг побледнел (упал... схватился за сердце...), никто ничего даже не понять, ни сделать не смог (только и успели дать нитроглицерин... вызвали «скорую», но пока она ехала...), – умер...

«Почему умирают в России?» – этот вопрос **ИГОРЬ ГУНДАРОВ**, академик, доктор медицины и кандидат философских наук (редкостное сочетание научных ипостасей для ученого, занимающегося демографией!), ввел в название своей книги-монографии, посвященной поиску и анализу причин резко воз-

Смена  
№ 5, 97

# УМИРАЮТ РОССИИ?

росшей за последние десять лет смертности россиян. Один из выводов, к которым пришел автор, звучит очень жестко, как приговор: «История цивилизованных государств XX века не знает подобной интенсивности вымирания мирного населения. Даже в годы первой и второй мировых войн прирост смертности среди гражданского населения Германии и остальных стран Европы был существенно ниже, чем в реформируемой России».

Но, может, просто погорячился ученый с такой страшноватой констатацией? Ах, если бы лишь «погорячился»...

В конце прошлого года в Москве прошла вторая Всероссийская научная конференция, название которой – «ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РОССИИ» – уже лишало надежды на получение благостной «демографической картинки». Учредителями конференции были такие надежные источники информации, как Академия социальных наук, Министер-

ство труда и социального развития России, Институт социально-политических исследований, Московский государственный социальный университет...

## Информация к размышлению:

За прошедшие десять лет – с начала перестройки и последовавших затем социально-экономических реформ – в России (в которой и без того семья с тремя детьми уже считалась многодетной) стало рождаться почти в два (1,9) раза меньше детей. Зато в 1,5 раза больше – умирать ее граждан. Оба эти «разнонаправленных» процесса, стартовав с относительно благополучной, в плане демографических показателей, отметки 1986 года, развивались с устрашающей быстротой. Так что уже в 1992 году впервые за все послевоенные годы в России был зарегистрирован отрицательный прирост населения. Это значит: в стране умерло за двенадцать месяцев народу больше, чем родилось, и

потому «исходная масса населения» уменьшилась. 1992-й не долго ходил в рекордсменах: его показатель отрицательного прироста составил -1,5 промилле (число, на которое убyla каждая тысяча россиян), а уже в 1993 году этот показатель равнялся -5,1. В 1994 году он увеличился до -6,1... Два последовавших за ним года эту отрицательную величину пока удерживают.

Можно для наглядности сказать и так. Начиная с 1992 года Россия за счет роста смертности и снижения рождаемости ежегодно «недополучала» (исходя из демографических показателей 1986 года) **1 миллион 600 тысяч** человек. Это – численность населения целой области, такой как Ульяновская или Белгородская, или Курская. По прогнозам Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ, в результате естественной убыли общая численность населения России к 2000 году сократится на **9 миллионов 632 тысячи** человек.

Средняя продолжительность жизни в стране в 1986 году составляла 65 лет у мужчин и 74 – у женщин; к 1995 году (итоги 1996-го будут подведены в августе) эти показатели резко пошли на убыль: мужчины в России теперь живут в среднем 58 лет, женщины – 71 год.

При сохранении таких демографических тенденций воспроизводство населения страны может опуститься ниже критического предела, за которым начинается **этническая деградация**. Если естественная убыль населения достигнет уровня 10 человек на 1000 населения, а при существующей сегодня в стране **сверхсмертности** – это более чем реально, то к 2060 году население России, по прогнозам ученых, уменьшится в два раза. Гораздо раньше, через 20–25 лет, наступит качественная деформация: пенсионеров окажется **более 50 процентов**. К тому же в той, второй, поло-

вине населения (включающей и детей) значительно увеличится количество инвалидов. Это приведет к резкому снижению творческой энергии и производительных возможностей нации. Такое население уже не в силах будет справляться с задачами жизнеобеспечения собственного государства, значит, придется привлекать в страну иммигрантов. Что фактически ознаменует начало **исчезновения российской нации** с исторической арены.

Нет, пожалуй, как ни болезненно признавать, угроза исчезновения нации («естественным» путем не стояла в двадцатом столетии ни перед одним другим государством, кроме России. И значит, нет эмоционального преувеличения в том, что пишет ученый в своей книге-монографии.

## Поиск ответа

Так что же в самом деле с нами, россиянами, происходит? Как и почему получилось, что страшный для любой страны диагноз «депопуляция» ученые сегодня ставят нашему Отечеству?

Ответы мы попытались найти в беседе нашего корреспондента с академиком Игорем Гундаровым.

– **Игорь Алексеевич, и все же от чего, от каких именно болезней умирают сегодня россияне, что на этот счет говорит статистика?**

– Для начала необходимо отметить: рост смертности идет отнюдь не за счет стариков. С каждым годом увеличивается количество смертей во всех возрастных группах – и женщин, и мужчин. Быстрее всего растет смертность от насильственных причин – убийств, самоубийств, травматизма, отравлений. Но если брать по абсолютному приросту, чаще всего люди умирают от сердечно-сосудистых заболеваний: ишемическая болезнь сердца, сосу-

дистые поражения головного мозга, острая сердечная недостаточность. За период с 1989 по 1993 годы, например, из 1 миллиона 600 тысяч избыточно умерших насильственные причины смерти составили 29 процентов, онкология – 5, самоубийства – 3, а сердечно-сосудистые – 48 процентов!.. А вообще, сегодня мы вынуждены констатировать: в России идет эпидемия преждевременной смерти.

– *Но разве такое бывает?!*

– Есть такая наука – эпидемиология неинфекционных заболеваний. Она возникла лет пятьдесят назад. Это наука о массовых процессах, происходящих в обществе. К примеру, любая мода (неважно на что: одежду, кинофильм, архитектурный стиль) по своему характеру, внутренним законам возникновения и распространения является эпидемией. Бывают эпидемии инфарктных заболеваний, случались в мире и эпидемии самоубийств, эпидемии онкологических болезней. У них просто иная, чем у более «привычных» инфекционных эпидемий, природа, иные возбудители.

– *То есть их вызывают не вирусы, как у СПИДа или гриппа, а какие-то социальные причины, некие возникшие в обществе процессы, что выполняют роль возбудителей?*

– Примерно так. Сегодняшняя задача неинфекционной эпидемиологии – выяснить причины происходящей в стране демографической катастрофы, произвести их системный анализ и найти доступные пути исправления ситуации.

– *Тут, кажется, никаких «темных комнат с черными кошками»: причины-то вам нынче любая бабушка в булочной сформулирует – почему так много нестарых и даже совсем молодых людей в России умирать стало!..*

– Почему?

– *Просто и коротко: массовое обнищание людей, хушонающаяся эколо-*

*гия, неуверенность в завтрашнем дне, стресс, которому не видно конца.*

– Ну, экология как фактор роста смертности отпадает. Это не я вам говорю, это утверждают в своих исследованиях все серьезные российские ученые-экологи: за тот же самый период, когда кривая смертности резко пошла вверх, экологическая ситуация в целом по стране существенно улучшилась. Разумеется, хорошей ее и теперь не назовешь, и сегодня загрязнение воздуха, плохая питьевая вода и прочие экологические показатели сказываются на здоровье многих людей и подчас становятся причиной смерти – но не больше того, а по заключению экологов – даже меньше, чем это было до начала эпидемии. Значит, не экология явилась толчком к ее началу.

Относительно причин, из-за которых в последние годы умирает до срока такое огромное количество людей, заблуждается не только ваша «бабушка из булочной». Сегодня и в коридорах власти, и в массовом сознании корень этого зла видится единственно в социально-экономическом кризисе, охватившем страну. Да, бесспорно: резкое снижение уровня жизни, неполноценное питание, плохие жилищные условия и прочие упавшие до критической черты социально-экономические показатели – все это факторы медленно текущей демографической катастрофы. Как и сопровождающие их стрессы, из которых теперь, кажется, соткана вся жизнь россиянина. Эти причины роста смертности населения, действительно, очевидны уже на уровне здравого смысла. Однако они не единственны. Более того, совсем не они стали решающими во вспышке эпидемии сверхсмертности россиян.

– *Игорь Алексеевич, да ведь для населения какой-нибудь европейской страны, числом поменьше российского и к хорошему побольше нас привыкше-*

го, и этого бы с лихвой хватило: что стало бы с французами или, скажем, с немцами, если б им по полгода не выплачивали зарплату и пенсии?! А вы говорите, есть еще какие-то – более решающие – факторы роста преждевременной смертности в России...

– Я назову их чуть позже. А сейчас – о неких исторических параллелях. В нашем Государственном научно-исследовательском центре профилактической медицины провели системный сравнительный анализ ситуации в сегодняшней реформируемой России и в США времен Великой депрессии 1930–1935 годов. По многим экономическим показателям американцы тогда переживали кризис, подобный нашему. Как и по величине социальных издержек – тот же рост безработицы, банкротства, обнищание граждан, появление в большом количестве бомжей, беспризорных детей, стрессы, самоубийства отчаявшихся. Величина валового национального продукта (ВНП – важнейшего как для экономики, так и для демографии показателя) уменьшилась на 30 процентов. Это закономерно сопровождалось снижением естественного прироста населения – на 1,6 промилле. У нас сокращение ВНП к 1994 году составило 39 процентов. А падение естественного прироста населения – 12,2 промилле. Почти в восемь раз больше, чем тогда в США!

Социально-экономическая ситуация в послевоенной разрушенной Германии была не менее тяжелой с точки зрения демографии. Однако при проведении там экономических реформ демографические показатели даже улучшились.

В чем же дело, почему в отличие от других взятых для сравнения стран (и, разумеется, не только США и Германии) реформируемая Россия в похожих кризисных социально-экономических условиях «дала» такой неадекватный сна-

чок смертности населения? Значит, российские реформы содержат еще какие-то негативно влияющие на рост смертности неэкономические факторы, сила которых значительно превышает – вспомните американско-российское соотношение 1,6 : 12,2 промилле! – влияние экономического неблагополучия.

– *Самое время наконец-то назвать эти решающие причины происходящей демографической трагедии.*

– Давайте поступим иначе: я дам вам еще немного информации к размышлению, и вы попробуете сформулировать их сами...

### **Информация к размышлению:**

Изучая складывающуюся с началом реформ в России ситуацию сверхсмертности населения, сотрудники лаборатории системных исследований здоровья, которой руководит И. Гундаров, столкнулись с любопытными данными. Они назвали это «демографическими парадоксами перестройки».

Вот один из них. В СССР, с входившей в его состав Россией, как и во всех других странах социалистического содружества, уровень смертности населения, снизившийся было в послевоенный период, стал непрерывно возрастать. Этот рост продолжался двадцать с лишним лет до 1985–1986 годов. А в последующие два года, в 1986–1987 годах, кривая смерти совершила резкий скачок вниз. **Смертность в России снизилась сразу на 10,3 процента!** (После чего снова стала «набирать высоту», резко взмыв вверх в 92-м).

Нужно ли объяснять, как важно было понять ученым: что за причины привели к снижению той зловещей кривой, длившемся два года?! Может, все объясняется какими-то общемировыми благоприятными процессами? – Нет, поскольку во всех других (несоциалистических) европейских государствах и в США

никаких существенных демографических колебаний в это время не наблюдалось...

Уровень валового национального продукта, зарплаты, пенсий, душевого потребления, жилищные условия, качество питания, экологическая обстановка, медицинское обслуживание в России – тоже особо не изменялись, и значит, все эти социально-экономические факторы не могли объяснить внезапного снижения смертности россиян.

Ага, сказали тогда ученые, да ведь был, был все-таки в тот период счастливый и весьма существенный для России фактор! – Антиалкогольный указ 1985 года! Однако принятый анализ не подтвердил и «антиалкогольную гипотезу». Да, в 1986 году продажа алкогольных напитков снизилась почти вдвое на душу населения. В результате связанная с «потреблением» смертность – отравления, алкоголизм, самоубийства, психозы – уменьшилась в России с 0,19 до 0,11 промилле. Однако в абсолютном выражении такое снижение составило не более 1 процента от общего числа «несостоявшихся» смертей. Да и нельзя было не учитывать «лепту», что внесли в показатели смертности такие негативные последствия резкого ограничения продажи алкоголя, как выросшая к 1987 году на 250 процентов наркомания и на 638 процентов подскочившая токсикомания... Нашлись и другие аргументы и цифры статистики, не позволившие обнаружить в антиалкогольной кампании решающий фактор «парадокса демографии 1986–1987 годов»...

Так что же было такого необычайного в нашей жизни в те замечательно «несмертельные» два года? Что отличало их, скажем, от предшествовавшего 85-го или от последовавших за ними лет?

Вы помните, читатель? Да ведь они и впрямь отличались – эти действительно замечательные два го-

да! И от 1985-го, когда еще в силу набранной за почти семьдесят лет тремя поколениями россиян инерции мы не могли, не успели – времени не хватило! – поверить в сулящие надежду слова «перестройка», «демократизация», «гласность», «права человека»... И от последовавших за ними лет эти два года тоже отличались: еще не было на наших улицах нищих стариков, бомжей, не было рэкета, киллеров и столь откровенной и повальной коррупции... А было удивительное время наконец-то **позволенное себе** надежд – что уже в недалеком, хотя и не вполне еще ясном, будущем настанет жизнь, более достойная для всех и с правом на достоинство каждого.

Газеты тогда писали об общенародном духовном подъеме, и ведь, пожалуй, в тот раз они не ввали...

## Как трудно быть здоровым и богатым

– Получается, природа того «демографического парадокса перестройки» сродни «эффекту Магнитки и Днепрозаса»? Эмоциональный подъем масс, надежда народа на светлое будущее способны творить чудеса и в демографии...

...а духовный спад приводит к обратному!.. Вот вы и сформулировали главное: **фактор**, который решающе влияет на «историю и демографию» российской демографией, носит нематериальный, неэкономический характер. **Это – духовное здоровье или, напротив, нездоровье общества, населения в целом.** Его определяющее значение объективно подтверждается самыми разными данными и социологии, и статистики. Например, в те же 1986–1987 годы эмоционального подъема и общественной активности количество грабежей и разбоев в Российской Федерации снизилось, по сравнению с 1985-м, на 24 процента; число убийств и покушений на

убийство – на 30 процентов; самоубийств – на 40. Но как только общественные надежды стали сменяться разочарованием, и к началу 90-х годов доля неудовлетворенных различными аспектами жизни достигла 50–60 процентов среди взрослого населения, – статистика незамедлительно фиксирует резкий подъем не только смертности, но и всех социальных аномалий!

Черты катастрофы демографическая ситуация в России стала приобретать, как уже говорилось, в 1992 году, мгновенно отреагировав на начавшиеся в стране либеральные экономические реформы, инициированные властью.

Что же произошло?

Окончательно вступившая в законные права либерально-рыночная идеология довольно жестко и круто стала ориентировать людей на переход к новому типу общественных отношений. В основе – конкуренция всех со всеми, выживание поодиночке («каждый борется за место под солнцем и рассчитывает в этой борьбе лишь на себя»), возможность моральных издержек при первоначальном накоплении капитала («все крупные частные капиталы в мире имеют криминальное и полукриминальное происхождение»), стремление к наживе («обогащайтесь!»)... В российском обществе начала устанавливаться принципиально новая иерархия жизненных ценностей. Причем весьма напористо и скоро. В результате – закономерная катастрофическая реакция всего общественного организма. И как наиболее трагическое ее проявление – демографическая болезнь, начало эпидемии преждевременной смерти... Ни для одного человека такая вот – «через колено» – ломка национальной нравственной ориентации, традиционных внутренних установок не может пройти бесследно.

Кстати, незначительное, по сравнению с Россией 90-х, ухудше-

ние демографических показателей в Америке поры Великой депрессии объясняется этим: их трагедия имела экономические, финансовые причины и не была сопряжена, как у нас, еще и с насильственной ломкой ментальности – и до и после катастрофы их нравственные общественные ценности были одинаковы.

*– А если бы в ту пору к власти в Соединенных Штатах пришли, скажем, большевики и заставили бы американских граждан «ломать свою ценностную национальную ориентацию»?*

– Думаю, у них было бы то же, что у нас сегодня.

*– Все, что вы, Игорь Алексеевич, сказали, лично меня убеждает. Но, признаться, так и вертится в голове вопрос: а какая, собственно, для народа разница – из-за чего умирать? В силу ли «экономических причин» или «духовного неблагополучия» – все равно демографическая трагедия происходит...*

– Почему так важно понять, что не только и не столько экономическое, материальное благополучие является решающим в жизни и смерти народа России, сколько – духовное, эмоциональное? Потому хотя бы, что это дает нам надежду на историческую перспективу. Научно и статистически обоснованную. Давайте посмотрим, что получится, если мы будем рассчитывать восстановление здоровья и жизнеспособность российской нации лишь за счет значительного улучшения социально-экономического положения людей.

США для спасения одной жизни из каждой тысячи человек (снижение смертности с 9,6 до 8,6 промилле) потребовалось более тридцати лет – с 1950 по 1984 год. За это время одни только ежегодные расходы на здравоохранение выросли на 408 миллиардов долларов, а годовая доля валового национального продукта одного американца увеличилась на 12 тысяч долла-

ров. Уточним: эти тридцать лет были для Америки годами стабильности и подъема... Медико-экономические расчеты, произведенные на основе официальной статистики, показали: при населении 147 миллионов человек, чтобы снизить смертность в сегодняшней России с имеющихся 15,7 до 10,7 промилле (уровень середины 80-х), – то есть, спасти не одного, а пять человек из каждой тысячи, – нужно, чтобы ВВП **ежегодно** увеличивался на 337 миллиардов долларов. Для сравнения: к началу 1995 года внешний долг России составлял 113 миллиардов.

Эти расчеты, согласитесь, больше удручают, чем впечатляют: нет у нашего общества с его нынешними демографическими показателями такого запаса времени, чтобы дожидаться экономического процветания.

*– Да уж, при таком раскладе ни мне, ни моему сыну более светлого демографического будущего ждать не приходится...*

– При таком «раскладе» доля экономического фактора в высокой смертности «реформируемых» россиян – и это тоже обосновано расчетами – составляет **всего** около тридцати процентов. Остальные семьдесят приходятся как раз на причины нематериального характера, о которых мы говорили. Значит, для того, чтобы устранить эти причины и выровнять демографическую ситуацию, миллиарды долларов (которых сегодня у России нет) не требуются.

*– Но что же требуется?*

– Необходимо вернуть людям эмоциональное здоровье и, прежде всего, веру в то, что в результате проводимых в стране социально-экономических преобразований их жизнь изменится к лучшему.

*– Да ведь последние годы убедили их совершенно в обратном! Не представляю, каким образом можно заставить кузбасского шахтера, или армейского офицера, или университетского*

*профессора, чья зарплата нынче в два-три раза меньше того, что получает шофер в коммерческой фирме, поверить в то, что бедственное положение, в котором они и их семьи оказались именно из-за этих самых преобразований, – «к лучшему»?!*

– Без корректировки того, как проводятся сегодня реформы, это, действительно, невозможно. Соответственно – невозможно и остановить происходящую демографическую катастрофу. В самих-то реформах российское общество и было, и продолжает быть заинтересовано, их начало исторически объективно обусловлено. Необходимость перемен, которые могли бы сделать жизнь людей лучше, достойнее, была очевидна. Ведь наша Россия сказочно богата – и природными, и человеческими ресурсами, и духовностью... Большинство тогда поверило: сможем! Надо лишь преодолеть трудный переходный период, суметь перестроиться, и прекрасная цель – благо всех и каждого – будет достигнута.

Однако в революционном запале, как и в прошлый раз, произошла смена курса, и цели оказались смещены. Сегодня главной целью реформ стало улучшение финансово-экономических показателей. При этом «нематериальные» показатели, такие, скажем, как **качество жизни** человека (а оно определяется не только физическим и психическим здоровьем, количеством потребляемых жиров и углеводов и причитающимися квадратными метрами, но и количеством времени, затрачиваемым на отдых, удовлетворенностью работой, отношениями в семье, образованием...) в расчет не берутся, не «участвуют» в оценке успешности реформ.

*– Игорь Алексеевич, да ведь сегодня все газеты кричат о том самом «качестве жизни» россиян – и читать-то страшно! О шахтерских голодовках, забастовках медиков, учителей, пикетах*

*инвалидов и пенсионеров возле Белого дома и Госдумы... Разве все эти «материальные показатели» – не оценка российского населения тому, как проводятся реформы? Разве это не свидетельствует, что реформы пошли «не в ту сторону»?*

– Для тех, кто непосредственно определяет политику реформ, – нет.

...Помните, как у Жюль Верна – пятнадцатилетний капитан направлялся в Америку, а попал в Африку из-за того, что под корабельный компас злодей подложил топор... Так и мы сегодня оказались ближе к «Африке», чем к «Америке». Был ли «злодей», не берусь говорить. Но вот то, что под «компасом» движущихся к намеченной цели реформ оказался «топор», – для меня как для демографа очевидно. В роли «топора» – ошибочно выбранная система оценки успешности социально-экономических преобразований.

Правительство оценивает, насколько успешно и в нужном ли направлении проводит оно реформы, как уже говорилось, по динамике финансово-экономических показателей. Удалось приостановить инфляционный рост, увеличилось количество приватизированного жилья – значит, реформы развиваются хорошо! А то, что за то же время подскочила кривая преступности, и в стране стало умирать еще больше народа – это, конечно, очень тяжело и тревожно, но не является доказательством ошибочности самого реформаторского курса...

Да, отчасти, правительство России **вынуждено** сегодня пользоваться именно макроэкономическими показателями: это официально принятая международная система оценки уровня и стабильности экономического развития любого государства, ею руководствуются и Международный банк, и ЕЭС, и Международный валютный фонд при выделении займов, кредитов, но... Когда мы уже стоим на пороге исчезновения рос-

сийской нации как тановой – не пора ли все-таки вытащить из-под компаса топор? Тогда стрелка этого компаса – благополучие российского населения – поможет скорректировать курс реформ, явно отклонившийся от провозглашенной цели: благо всех и каждого. Повторюсь, без такой корректировки остановить демографическую катастрофу, на мой взгляд, невозможно.

*– Финансово-экономические показатели имеют конкретные единицы измерения. А в каких «единицах» определять благополучие? Ведь без них «компас» окажется нем и, значит, бесполезен...*

– Тут нет особых проблем. В нашей лаборатории разработана трехуровневая система показателей, с помощью которой можно определять степень национального самочувствия. Во-первых, это состояние физического здоровья населения: продолжительность жизни, уровень трудоспособности, степень естественного воспроизводства населения и прочее. Во-вторых, удовлетворенность жизнью: такими основными ее составляющими, как работа, материальное положение, образование, жилищные условия... В-третьих, духовное, нравственное самочувствие общества: состояние преступности, число сирот, стариков, от которых отказались дети...

Уверю вас, все это весьма точно просчитывается, существуют специальные методики. Есть и специалисты, ими владеющие. То есть уже сегодня, оценивая реформы с точки зрения социального самочувствия населения, его духовного здоровья и жизнеспособности, можно начать корректировку реформ, направить их по верному пути и выбраться из социально-экономической и демографической пропасти. А механизмом, определяющим эти показатели, мог бы стать официально признанный и властями, и обществом мониторинг, который проводился бы постоянно во всех регионах страны.

По его результатам – было бы только желание! – власть, правительство смогут четко видеть, туда ли и не во вред ли народу России идут реформы. Алгоритм прост: когда базовые показатели **социального благополучия** населения оказываются ниже разумного предела, требуется корректировка шагов реформ. Это стоило бы закрепить законодательно. И оговорить в законе обязательность регулярного опубликования в средствах массовой информации данных мониторинга – чтобы обеспечить контроль за их объективностью.

*– Но как все это сможет улучшить духовное, эмоциональное самочувствие народа?*

– Люди будут точно знать: оценивая качество своей жизни, они тем самым оценивают деятельность властей, реально влияют на принимаемые ими решения. Вспомните, что больше всего вызвало резкий эмоциональный и духовный подъем 1986–1987 годов? Люди начали верить – и имели на то самые серьезные основания – что, по большому счету, все зависит от них: и власть, и путь, по которому стране идти, и как жить обществу. Это чуть позже они потеряли ту веру и... начали умирать... Знаете, какой для нашего народа главный «фактор национального выживания», что им ценится в жизни выше всего? Отнюдь не богатство. – **Справедливость...** Когда «все по справедливости», он и горы может свернуть, и бедность пережить, и даже принять справедливое материальное неравенство, и из демографической пропасти выбраться. Все встанет в России на свои места, когда люди будут твердо знать: происходящие в стране перемены находятся в прямой зависимости от их благополучия, и, значит, проводятся реформы в их общих интересах, а не в интересах трех процентов населения...

*– Игорь Алексеевич, вы идеалист, романтик?*

– Я – социальный оптимист... Анализ складывающейся в стране демографической ситуации построен на объективных научных данных, и поскольку я ученый, а не политик-профессионал, мне трудно заподозрить себя в пристрастном их рассмотрении. Прогноз же развития этой ситуации, в случае, если не изменить сформировавшие ее условия, слишком мрачен для России. Потому я глубоко убежден: осознание опасности существующего сегодня демографического кризиса придет – и достаточно скоро – и в политические, и во властные структуры, и к населению. Не может не прийти – инстинкт национального самосохранения обязательно сработает. Я абсолютно в этом уверен, потому и считаю себя социальным оптимистом.

**P.S. Информация к размышлению:**

*«Я хочу, чтобы 2001 год – 21-й век начинался так. Унизились цены (до копеек), зарплату не задерживали, а сама она была 100 рублей у каждого, независимости от работы. Чтобы не было мафии, грязи на улицах, а повсюду стояли мусорные баки. Чтобы соблюдались все традиции, а главное никакой войны, особенно какая была в Чечне.*

*Щукин Миша».*

*Щукину Мише двенадцать лет, он учится в седьмом классе московской школы. Мы не стали исправлять ошибки и редактировать его школьное сочинение. Разве в грамматических ошибках Щукина Миши главное?*

*Через двадцать лет, когда, по прогнозам демографов, в России может наступить качественная деформация населения, что станет началом исчезновения российской нации как таковой, Щукину Мише будет всего 32 года.*